
ЖЁЛТАЯ СТЕНА
18+
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Helen Voskanyan

Желтая стена

«Автор»
2026

Voskanyan H.

Желтая стена / H. Voskanyan — «Автор», 2026

Двадцать пять лет назад его мать спаслась от убийцы. Дэвид Ричардс до сих пор живёт в плену той ночи.Он помогает другим справляться с прошлым, но собственную жизнь посвятил одному: найти человека, который разрушил его семью. Когда после долгого затишья появляется новая жертва с тем же страшным порезом на левой руке, Дэвид понимает — времени больше нет.Кристин Робертсон нужна работа. Дэвиду нужна Кристин. Её мать тоже выжила после встречи с убийцей — и с тех пор молчит. Дэвид уверен: за этим молчанием скрываются ответы. И ради них он готов зайти слишком далеко.Следы ведут к старой детской площадке с жёлтой стеной. Здесь когда-то играли дети. Здесь их матери чувствовали себя в безопасности.Кто-то наблюдал за ними.

© Voskanyan H., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Побег 5
Комнаты 7
Возвращение к жизни 10
Когда встречаются два мира 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Helen Voskanyan
Желтая стена

Побег

15 октября 2000 года

Ночь была недостаточно тёмной, чтобы скрыть Сару от него, а лесу, казалось, не было конца. Холод впивался в кожу, словно голодный зверь. Зажав ладонью глубокую свежую рану на левой руке, Сара бежала. Между пальцами сочилась кровь — тёплая, липкая. Дыхание сбивалось, будто вокруг совсем не осталось воздуха. С каждым вдохом болели рёбра, треснувшие под ударами его ног. Она стиснула зубы и прикрыла рот ладонью, оставляя на лице кровавые следы.

Промёрзшие листья кололи босые ступни, как иглы. Ещё шаг — и ногу пронзила резкая боль. Сара застонала и посмотрела вниз. Острая ветка или осколок стекла — в темноте было не разобрать. Несколько секунд передышки, и она двинулась дальше, в глубь леса, между тёмными массивными стволами. Вглядываясь в чащу, вдруг замерла.

Моргнула.

Потом ещё раз.

Глаза постепенно различили тонкую полоску лунного света, пробивавшуюся сквозь густое переплетение ветвей. Сара шагнула вперёд и увидела старый высокий дуб. Подошла ближе. Сердцевина ствола прогнила, оставив дупло, достаточно просторное, чтобы в нём спрятаться.

Превозмогая боль, она втиснулась внутрь.

Пахло прелыми листьями и кровью. Сара открыла рот в беззвучном крике — от боли и страха.

Нащупав остатки блузки, она оторвала полоску ткани и туго перевязала рану. Сжавшись внутри сырого ствола, Сара почти поверила, что сумела уйти от него. Но тут вдалеке раздался его голос.

— Сара, где ты?

Эхо разнеслось по лесу и затихло в холодной темноте.

— Ты правда решила, что я тебя отпущу?

Всё остальное перестало существовать. Остался только Дэвид.

Она должна ещё хоть раз обнять сына. Сказать, что любит его. Перед глазами стояло его лицо — вот он смеётся и смотрит на неё снизу вверх, словно она для него целый мир. Она не могла его оставить. Не оставит.

Голос прозвучал снова. Гораздо ближе.

— Ну же, Сара. Ты ведь не бросишь меня сейчас, — прошипел он.

Сквозь узкую щель она увидела тёмную фигуру. Высокий, худощавый — словно вырвавшийся из ада. Лицо скрывала чёрная маска. От одного его голоса Сара цепенела.

Он прошёл мимо дуба, волоча за собой тяжёлый молот. Металл скрёб промёрзшую землю. Мужчина удалялся, насвистывая мелодию, которую Сара уже никогда не забудет.

Когда свист наконец стих вдали, она позволила себе надеяться. Но руки и ноги наливались тяжестью, сознание с каждой минутой всё больше мутилось. Сара понимала: чтобы выжить, нужно выбраться из дупла и найти помощь.

И она выбралась.

Каждый шаг казался последним. Где-то в чаще, где темнота становилась ещё гуще, ноги подогнулись. Сара рухнула на землю, дрожа от боли, холода и отчаяния. Пальцы вцепились

в почву. Она вдохнула запах сырой, схваченной морозом земли — той самой, что, казалось, скоро станет её могилой. Сил сопротивляться больше не осталось. Сара закрыла глаза.

И тут услышала голос — такой родной, такой знакомый. Он звал её домой. Плакал и звал.

— Дэвид.

Она прошептала его имя и открыла глаза.

Снова звук. Но на этот раз настоящий. Сара прислушалась.

Машины.

Она подняла голову и посмотрела туда, откуда доносился шум.

Дорога.

Сара поползла, отталкиваясь ногами от земли. Из горла вырвался стон. Кричать сил уже не было. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем она добралась до обочины.

Высоко над лесом висела луна, заливая серебром промёрзшую землю. Здесь, под открытым небом, ночь была непривычно светлой. Взревел двигатель. Взвизгнули шины, и машина остановилась всего в метре от неё. Над обочиной поднялась пыль.

— Помогите… пожалуйста, — прошептала Сара.

Тревожные голоса доносились будто издалека. Сильные руки подняли её с земли и перенесли в тепло. Кто-то задавал вопросы, но отвечать она уже не могла. И всё же впервые за бесконечно долгое время Сара почувствовала себя в безопасности.

Только тогда она позволила темноте поглотить себя.

Комнаты

Дэвид лежал без сна в своей маленькой тесной комнате. Кровать казалась слишком мягкой, подушка — слишком маленькой. Он ворочался всю ночь, никак не находя удобного положения. Лампа на прикроватной тумбочке тускло освещала стены и полки с книгами и игрушками.

«Один, два, три, четыре», — считал он про себя, переводя взгляд с книг на игрушки. Но сон не шёл.

Последний раз он видел маму две недели назад. Всё изменилось в тот вечер, когда она не вернулась с работы. Дэвид снова и снова вспоминал, как ему сказали, что никто не знает, где она.

Как такое возможно? Почему она не сказала им, куда ушла?

Ответов у него не было. Но в комнате всё ещё пахло мамой. И подушка хранила её запах. Здесь ему было спокойно.

Она рано или поздно вернётся. И тогда он спросит, почему она решила уйти от него и бабушки.

Дэвид обхватил подушку маленькими руками и прижал к себе, как обнимал маму перед сном.

Сквозь глубокий сон до него донёсся телефонный звонок, потом — торопливые бабушкины шаги. И её голос, тревожный, испуганный:

— Да… Вы её нашли?

Дэвид сел в кровати. Сердце заколотилось.

Мама?

— Где она?

Он соскочил с постели и побежал к бабушке. Она вытирала слёзы с побледневшего лица.

— В какой больнице? Мы приедем. Большое вам спасибо.

Дэвид смотрел на неё. Дрожащей рукой бабушка положила трубку. Слёзы всё текли по её щекам.

— Маму нашли, Дэвид, — наконец сказала она.

— Нашли? Поехали, бабушка! Поехали к маме!

В белом больничном коридоре Дэвид сидел на холодной металлической скамье и смотрел на настенные часы. Четыре пятнадцать утра. Минуты тянулись бесконечно.

Глаза закрылись, и он задремал. Проснулся от громкого урчания в животе. Посмотрел на часы — пять тридцать. Протяжно зевнул и поморщился от резкого запаха дезинфицирующего средства. Вздохнул.

Вокруг были белые стены и плакаты с непонятными надписями и значками. Врачи и медсёстры проходили мимо, словно его не замечали.

Бабушка давно скрылась за одной из дверей. От мыслей о маме становилось всё страшнее. Что, если она заболела?

Он сглотнул, сдерживая слёзы. Плакать нельзя. Мама расстроится.

Наконец дверь открылась и вышла бабушка. Встретившись с ним взглядом, она улыбнулась, но от этой улыбки Дэвиду стало не по себе. Глаза у неё были красные, будто всё время, что она провела там, она плакала.

— Где мама, бабушка? — Он потянул её за юбку. — С ней всё хорошо?

— Она очень устала, милый.

Бабушка говорила с трудом, словно что-то мешало ей в горле.

— Можно мне к ней?

— Пока нельзя, родной.

Он никогда не видел бабушку такой расстроенной. Даже морщины на её лице будто стали глубже — особенно когда она пыталась улыбнуться. Дэвид отступил на шаг. Вопрос, который он всё это время боялся задать, вырвался едва слышно:

— Она умерла? Поэтому мне нельзя к ней?

— Нет, милый. Она не умерла. Пожалуйста, не говори так. — Бабушка наклонилась и ласково погладила его по щекам.

Он отстранился.

— Когда я её увижу?

— Скоро, Дэвид… Обещаю, — прошептала она. — Потерпи ещё немного. Маме нужно время.

Дэвид не смотрел на неё. Не мог. Ком в горле казался больше теннисного мяча.

— Я подожду, бабушка. Буду хорошо себя вести.

Прошло три недели с тех пор, как маму нашли, а Дэвида всё ещё к ней не пускали. По дороге в школу он замечал, как родственники и соседи смотрят на него с жалостью и перешёптываются. С мамой случилось что-то очень плохое.

Но почему она не хочет его видеть?

Она о нём забыла?

Больше не любит?

Эти вопросы не давали думать ни о чём другом.

По воскресеньям они с бабушкой ездили к Саре в больницу.

— Мне надоело сидеть в этом дурацком коридоре. Когда ты пустишь меня к маме?

— Ещё пару недель, милый, и ты её увидишь.

— Ты уже три недели так говоришь. Это нечестно.

— Ты обещал потерпеть.

Дэвиду казалось, что он сейчас взорвётся. Уши и щёки горели. Хорошо себя вести больше не получалось.

— Я и так терпел! Почему тебе можно к ней, а мне нельзя? Она меня больше не любит, да?

— Даже не думай так, родной. Она любит тебя больше всего на свете.

— Я сегодня увижу маму. А если ты не пустишь, я убегу из дома.

Бабушкины глаза расширились.

Именно этого он и хотел.

Испугалась. Теперь разрешит.

— Ну что ж, молодой человек, — сказала она после паузы. — Удерживать тебя не стану. Только учти: на улице холодно. Оденься потеплее.

Дэвид заговорил тише:

— Лучше бы я заболел. Может, тогда мама вспомнила бы обо мне.

Бабушка ничего не ответила. Только покачала головой и вытерла слёзы с его щёк.

Они долго молчали. И вдруг Дэвид кое-что придумал.

Бабушка всегда уходила на несколько минут поговорить с врачами и медсёстрами. Можно пробраться к маме, пока её нет. Она даже не узнает.

С этой мыслью он устроился в больничном коридоре, на той же холодной металлической скамье, и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Бабушка вышла из маминой палаты, посмотрела на него и улыбнулась.

— Сегодня ей лучше, Дэвид. Скоро я тебя к ней пущу.

Он улыбнулся в ответ и кивнул. Едва бабушка скрылась в конце коридора, Дэвид встал и подошёл к двери. Глубоко вдохнул. Рука дрожала, когда он взялся за ручку.

Он толкнул дверь и медленно вошёл, стараясь не шуметь. Плитка под ногами была белой, как и стены. Сквозь большие окна лилось столько света, что палата казалась тёплой, светлой — и очень странной. Здесь ещё сильнее пахло лекарствами и чем-то едким. От этого запаха щипало в носу.

Дэвид огляделся. За занавеской угадывались очертания кровати и лежащего на ней человека.

Мама…

Ноги вдруг ослабели. Он заставил себя идти дальше. Когда Дэвид подошёл к занавеске и отодвинул её, палата словно стала теснее.

Он хотел закричать, но не смог издать ни звука.

На кровати лежала женщина. Лицо казалось знакомым, но под синяками и порезами его было не узнать. Это не могла быть мама. Его мама никогда так не выглядела.

Не могла.

Потом он заметил волосы — длинные, каштановые, красивые. Совсем как у мамы.

Протянул руку и коснулся их. Такие же мягкие. Родные.

— Мама… Это ты, — прошептал он.

Он переводил взгляд с её лица на волосы, потом на руки. Левое запястье было обмотано толстым слоем бинтов. Синяки и раны покрывали лицо, шею, руки. Лицо распухло. Глаза были закрыты. Мама тихо стонала во сне.

— Я здесь, мам, — снова прошептал он. — Я тебя люблю. Я тебя ждал.

От сдерживаемых слёз болело горло.

— Дэвид, что ты здесь делаешь?

Испуганный бабушкин голос раздался прямо за спиной. Он застыл, словно ноги приклеились к белой плитке.

— Что случилось с мамой, бабушка? — запинаясь, спросил он.

— Милый, тебе нельзя было видеть её такой.

Бабушка взяла его за руку и потянула к двери.

— Скажи. Что с ней случилось?

— Кто-то сделал ей больно, — почти шёпотом ответила она.

— Кто? За что?

Слёзы потекли по щекам. Дэвид сердито стёр их.

— Я не знаю, родной. Но скоро ей станет лучше.

— Мама поправится? — Он едва мог говорить сквозь слёзы. — Обещаешь?

— Да, милый. Поправится.

Бабушка крепко обняла его. Он почувствовал, как она дрожит, беззвучно плача.

— Будь сильным ради мамы, Дэвид.

— Я буду сильным, бабушка, — прошептал он. — Я не буду плакать. Мама не должна знать, что мы плакали.

Возвращение к жизни

— Дэвид, завтрак готов, милый.

Мамин голос донёсся из кухни. Он бросил книгу на кровать и выбежал из комнаты.

— Умираю с голоду, — сказал он, обнимая её за талию.

Сквозь ткань платья чувствовалось её тепло. Платье свободно висело на худом, хрупком теле. На обнажённых руках виднелись ещё не зажившие до конца следы ран.

Дэвид сел за стол и схватил вилку.

— Блинчики! Хочу пять.

Пока мама накладывала ему завтрак, его взгляд снова скользнул к большому неровному шраму на её левом запястье. К горлу подступил ком, но Дэвид сглотнул и заставил себя улыбнуться.

— Вот, держи, — тихо сказала она. — Пять блинчиков для моего мальчика.

Она тоже улыбнулась. И чем больше он ел, тем радостнее становилась её улыбка. Поэтому Дэвид не оставил на тарелке ни кусочка.

Казалось, живот вот-вот лопнет. Но если маме от этого хорошо, он будет есть. И улыбаться.

— Мам, когда тебя не было, бабушка разрешала мне есть сколько угодно сладкого.

— Вот как? Правда разрешала?

— Ага. Но я ничего не ел. — Он посмотрел на неё, всё ещё жуя. — Я знал, что ты расстроишься.

Сара отвернулась и торопливо вытерла слёзы.

Дэвид замер. Кусочек блинчика соскользнул с вилки обратно на тарелку.

— Ты самый лучший сын на свете, — сказала она, снова повернувшись к нему.

Дэвид пододвинул к ней тарелку.

— Я хочу ещё блинчиков, мам.

Вечером, когда Сара уложила его в постель и прочитала сказку, Дэвид осторожно гладил её по волосам, разглядывая каждый шрам на её коже.

От невысказанных слов щемило в груди.

Он хотел прошептать:

Ты всё равно красивая, мам.

Я люблю тебя, несмотря ни на что.

Твои раны скоро заживут.

Но вместо этого сказал:

— Когда я вырасту, я найду того, кто это с тобой сделал.

Он видел, как её глаза снова наполнились слезами. На этот раз улыбаться не стал.

— Дэвид… — Голос мамы дрогнул. — Прости, милый. Мне так жаль, что тебе приходится всё это видеть. Через всё это проходить.

— Не волнуйся за меня, мам, — тихо ответил он. — Мне уже семь. Я теперь могу тебя защитить. И защищу.

Она обняла его и крепко прижала к себе.

И там, в маминых объятиях, Дэвид был готов на всё — на что угодно, лишь бы она снова стала счастливой.

Двадцать пять лет спустя

В кабинете на пятом этаже были большие окна до пола. В ясные дни они наполняли комнату солнечным светом. Белые стены создавали ощущение простора и покоя. Рядом с высоким

книжным шкафом стояло большое кресло цвета слоновой кости. Напротив — широкий письменный стол. На нём не было ничего, кроме монитора, клавиатуры и мыши.

Стену за столом занимали дипломы, сертификаты и награды.

Сидя в кресле, Дэвид медленно обводил кабинет взглядом.

Посмотрел на часы. Половина восьмого утра.

— Ещё час, — прошептал он, нарушая тишину, и взглянул на дверь. — Надеюсь, не опоздает.

Дэвид встал и подошёл к окну. От вида непогоды за стеклом по коже пробежал знакомый неприятный холодок.

Небо затянуло серым. Ветер гнул деревья, дождь заливал улицы, и город расплывался за ним в смутные силуэты людей под зонтами.

Некоторое время он наблюдал за прохожими, спешившими укрыться от ливня, потом отвернулся и направился к белой двери.

За ней пахло свечой, которую он зажёг раньше. Аромат окутал его, словно объятия, которых ему так не хватало. Дэвид закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Жасмин, — прошептал он. — Как успокаивает.

Он лёг на небольшой диван, предназначенный для пациентов, и закрыл глаза. Мягкие подушки словно приняли его в себя. Мысли постепенно сменялись образами. От одних губы трогала едва заметная улыбка, другие заставляли резко открывать глаза.

Он чуть дольше, чем хотел, смотрел в потолок. Потом поднялся и вернулся к столу.

Достал из ящика тонкую папку. Резюме было коротким. Фотографию Дэвид рассматривал дольше, чем собирался.

На него смотрела молодая женщина с длинными каштановыми волосами, светлой кожей и карими глазами. Она улыбалась — для фотографии в резюме эта улыбка казалась слишком живой.

Его пальцы замерли над её именем.

— Кристин Робертсон, — пробормотал он.

На мгновение большой палец задержался на фотографии.

— Посмотрим, как всё пройдёт сегодня. — Он едва заметно улыбнулся. — И насколько полезной ты окажешься.

Когда встречаются два мира

Кристин

Будильник звонил громко и настойчиво. Кристин резко села в постели и, не открывая глаз, принялась шарить рукой в поисках телефона.

Длинные каштановые волосы спутались. Вчерашний макияж размазался по лицу и оставил следы на подушке.

— Да где этот чёртов телефон? — пробормотала она, наконец открывая глаза.

В маленькой спальне было ещё темно. Кристин заметила телефон, поморщилась от вспыхнувшего экрана и выключила будильник.Снова легла и закрыла глаза. Уже почти провалилась в сон, когда вдруг вспомнила.— Собеседование. — Она опять села. — Сегодня же.

Кристин вскочила и раздвинула тяжёлые шторы. За окном низко нависло серое дождливое небо. Она нахмурилась и повернулась к зеркалу.

— Черт.Схватила полотенце и халат.— Срочно в душ.

Она позволила себе несколько минут под тёплой водой. Напряжение в плечах понемногу отпускало, глухая боль за глазами стихала.

На завтрак времени не оставалось. Но без кофе — никак. Растворимый, с молоком. И кусочек горького шоколада.

— А почему бы и нет? — прошептала она, держа в одной руке большую чашку, а в другой — фен.

— Главное, не переборщить с макияжем. Нужно выглядеть по-деловому.

Обращаясь к своему отражению, Кристин то пробовала улыбнуться, то делала серьёзное лицо. Хотелось выглядеть умной. Уверенной в себе.

Она взглянула на часы на оклеенной розовыми обоями стене. Восемь утра.Зелёное платье показалось подходящим. Кристин надела его и одобрительно кивнула своему отражению.

Но пока натягивала сапоги и пальто, улыбка постепенно исчезла. На смену уверенности пришла тревога.

— Мне очень нужна эта работа… Иначе мама…Она сглотнула и отогнала мысль.— Моя счастливая брошка со мной.Пальцы коснулись маленькой металлической совы. Знакомое прикосновение помогло собраться.— Я справлюсь.

Кристин заперла свою крохотную однокомнатную квартиру и поспешила вниз по лестнице.

До остановки было пять минут пешком. Сырой воздух пробирался под тонкое пальто, по спине бежали мурашки.

— Почему сегодня так холодно?

Она ускорила шаг и успела как раз к автобусу.В салоне пахло чьим-то завтраком и мокрой одеждой. Кристин прошла туда, где было посвободнее, и встала у окна. Автобус двигался медленнее обычного. Незаметно для неё мысли снова вернулись к собеседованию.

Доктор Ричардс сам ответил на её резюме. Не через помощника. Почему? Зачем такому специалисту ассистентка вроде неё? А если это розыгрыш? Или вообще мошенничество?

Она вышла на своей остановке. Через дорогу стояло серое здание, похожее на остов. Казалось, оно наклонилось под порывами ветра. Кристин недоверчиво посмотрела на него, чуть склонив голову, и несколько секунд не двигалась с места. Потом провела ладонью по волосам, тщетно пытаясь поправить причёску, испорченную ветром и дождём, и вошла.

Наверх вела широкая старинная лестница. Поднимаясь, Кристин дышала всё тяжелее. В здании пахло сыростью. Она поморщилась.

— Не мог он снять кабинет на втором этаже? — пробормотала она, уже начиная задыхаться.

К её удивлению, других офисов по пути не встретилось. Только на третьем этаже оказалась приоткрытая дверь. В маленькой тускло освещённой комнате сидел пожилой мужчина. Кристин прочитала вывеску на стене:«Мастерская Джозефа. Ключи и ремонт замков».Какое громкое название для такой каморки.— Доброе утро, — приветливо сказала она.— Доброе.

Несколько секунд Кристин наблюдала за его работой. Небольшой тёмно-коричневый стол был завален ключами и замками — старыми и новыми, большими и маленькими. Мужчина ответил на приветствие, но головы так и не поднял.Она улыбнулась и пошла дальше. Шаги гулко отдавались между старыми стенами с пятнами плесени и большими окнами в деревянных рамах.

Кристин поднималась не спеша и лишь через несколько минут добралась до пятого этажа. На последней ступеньке остановилась. Глаза расширились, рот невольно приоткрылся.Этот этаж совсем не походил на остальное здание. Её взгляд скользнул по белой плитке под мрамор, поднялся к безупречно чистым стенам и остановился на большой чёрной двери.

Кристин глубоко вдохнула. Даже воздух здесь был другим. Пахло сладко и знакомо.Жасмин? Она точно всё ещё в том же здании?Она подошла к двери. На табличке было написано:«Дэвид Ричардс, Психолог-консультант».

Кристин провела пальцем по гладкой поверхности.

— Неужели мне может так повезти?Она нащупала брошь и с силой потёр её, потом опустила взгляд.— Ты мне поможешь. Я знаю.Трижды постучала пальцем по маленькой серебряной сове с блестящими чёрными глазами.— Ты всегда мне помогала.

Она глубоко вдохнула и нажала кнопку домофона.Щёлкнул замок. Кристин взялась за ручку. Прохладный металл приятно холодил ладонь. Она толкнула дверь и вошла.

Внутри было тепло, и жасмин пах ещё сильнее. Среди ровных линий и спокойной белизны тревога понемногу отступала.Куда ни посмотри — всё белое.

— Здравствуйте… Мистер Ричардс?Её голос разнёсся по комнате.Она прошла ещё несколько шагов и закрыла за собой дверь.

— Мисс Робертсон, добро пожаловать.Низкий голос прозвучал из дальнего конца кабинета. Кристин обернулась и увидела мужчину, выходившего из соседней комнаты.

— Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.Она подошла к столу медленно, неуверенно и села напротив Дэвида. Он уже занял своё место и раскрыл тонкую папку с её фотографией.

Кристин разглядывала его чёрные волосы, аккуратно зачёсанные назад и, судя по всему, щедро уложенные гелем. Тёмные брови были тщательно подстрижены. Её пальцы невольно потянулись к собственной брови.

Взгляд скользнул по гладко выбритому лицу, но встретиться с ним глазами она не решилась. Вместо этого посмотрела на тёмно-синий костюм — безупречный, дорогой — и чёрный галстук, туго затянутый у воротника.

Пока Дэвид просматривал резюме, Кристин выпрямилась и положила ладони на колени, поверх зелёной ткани.

Это платье.

Её снова охватила паника.

Наверняка она выглядит как попугай. Единственное яркое пятно во всём кабинете.Сердце забилось чаще, щёки запылали.И тут он снова заговорил. Кристин невольно прислушалась: его голос успокаивал, хотя от этого спокойствия почему-то становилось зябко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.